

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В статье рассматриваются основные методики изучения региональной идентичности населения на разных территориях России и зарубежья. Показаны различия в понимании региональной идентичности и подходов к её изучению в отечественной географии.

Ключевые слова: структура территориальной идентичности, региональная идентичность, порубежные и внутренние территории, вернакулярные районы.

Понятие региональной идентичности. В основе региональной идентификации жителей лежит естественная потребность индивидов иметь своё пространство (определённый географический участок). Однако современное понимание региональной идентичности не является однозначным в отечественной науке. Одни авторы понимают под региональной идентичностью системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая родина» и являющуюся формой выражения культуры укоренённости. Региональная идентичность интегрирует в пределах определённых территорий как местные проявления российской идентичности, так и различные локальные идентичности. При этом данное понятие не рассматривается как идентичность определённого уровня в противовес локально-поселенческому и российско-цивилизационному уровням [7].

Тем не менее, большинство авторов считает, что региональная (территориальная) идентичность является полимасштабным, многоуровневым феноменом. Местечковое — земляческое — районное — национальное самосознание очень часто образуют как бы разные «концентры» территориальной идентичности [23]. Регион является гомогенным пространством, выделенным самими людьми, имеющим физико-географическую, хозяйственную, этнокультурную и языковую общность, а также общность исторической судьбы [24]. Таким образом, понятие региона получает немасштабное и разномасштабное содержание, задаваемое не классификационно, а типологически [13].

Существует точка зрения, согласно которой выделение региональной идентичности не вполне корректно в общей структуре идентичностей. В то же время другие авторы предпринимают попытки классифицировать и структурировать иерархию идентичностей и выделить в ней место региональной идентичности [2, 12]. В данном случае региональная идентичность рассматривается в качестве одного из уровней территориальной идентичности, при этом нижняя ступенька отдана локальной идентичности. Верхний «этаж» в иерархии территориальных идентичностей занимает национальная идентичность (определяемая по гражданству, а не по национальности, и поэтому равнозначная государственной идентичности). В другой плоскости находится этническая идентичность, которая также строится иерархично [14].

Результаты исследований показывают, что человек чаще всего идентифицирует себя со своим поселенческим социумом, т. е. в обычной ситуации он отдаёт приоритет локальной идентичности. Соответственно, он выстраивает иерархию territori-

альных идентичностей «снизу вверх»: от локальной к национально-государственной [2, 15]. Тем не менее, в условиях ослабления или кризиса национальной идентичности региональная идентичность даже может составить ей конкуренцию, и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны. В то же время в стабильном обществе с устойчивой национальной идентичностью региональная идентичность не выходит на первый план в иерархии территориальных идентичностей. В обычных условиях региональная идентичность проявляется в формировании определённой системы ценностей и норм поведения жителей региона. Её можно обнаружить также в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т. п. [21].

Изучение региональной идентичности населения порубежных территорий.

Наиболее часто в качестве полигонов для отработки методик по изучению региональной идентичности выступают приграничные территории, например, российско-украинское и российско-белорусское порубежье [10, 11], а также приграничные территории со странами Европейского Союза (Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей) [2, 5, 12, 14, 15, 18] и Китаем [20]. На приграничных территориях категория «идентичность» выступает в нескольких взаимосвязанных ракурсах: во-первых, идентичность как граница (граница между идентичностями в географическом пространстве), во-вторых, как взаимовлияние формальных границ (в первую очередь, государственных) и идентичностей [10].

Достаточно важным в изучении региональной идентичности с методологической точки зрения является исследование приграничных участков разных стран как стыков между обособленными культурами, но в то же время и взаимодействующими между собой. К таким территориям относится российско-украинское порубежье. Здесь авторов, в первую очередь, интересует вопрос о сохранении в настоящее время на российско-украинских приграничных землях элементов украинской этнической культуры, включая возможное присутствие их в самосознании у населения, формально русского (согласно переписям), но украинского по происхождению. А. А. Гриценко методологически значимым в решении этого вопроса видит наблюдение за сохранением черт традиционного историко-культурного ландшафта, обычно стимулирующих этническую и региональную идентичности [10].

«Землячество» как особый тип восприятия и идентификации «своих» характерен для значительной части населения России, в т. ч. для российско-украинского порубежья. Анализ субъективного восприятия мест проживания «земляков» позволил выявить существенные территориальные различия в характере тяготения к соседним регионам, а также своеобразного внутриобластного ментального отталкивания, когда жителей отдельных территорий внутри «своей» области не считают «земляками» [11].

Различные методики изучения региональной идентичности, рассмотренные в статье, в той или иной степени применимы во внутренних и приграничных территориях страны. Но Россия обладает также одной обособленной территорией или эксклавом — Калининградской областью. Здесь большинство методик выявления региональной идентичности способны лишь частично отражать специфику региона. На сегодняшний день мы можем говорить о том, что Калининградская область — это субъект Российской Федерации, находящийся в эксклавном положении, сформировавшийся в результате синтеза разных (в т. ч. современной российской) культур в местном (пруско-германском) природно-культурном ландшафте.

Исследование по изучению региональной идентичности в Калининградской области провела О. Я. Киричек [5]. Целью исследования являлось выявление особенностей региональной идентичности в разных возрастных группах населения. В качестве главного фактора идентичности у автора выступало количество лет, прожитых на территории области, т. к. российские жители начали осваивать территорию только после Великой Отечественной войны. С помощью рефлексивного теста и опросника региональной идентичности выявлялись степень психологической и социокультурной укорененности каждого поколения области, соотнесённость таких аспектов социальной идентичности личности, как региональный, общероссийский и этнический, а также когнитивный и аффективный компоненты региональной идентичности.

Особенно интересен опыт изучения региональной идентичности в регионе, имеющем границы одновременно с несколькими странами и другими субъектами России. Обладателем такого географического положения в России является Псковская область. Это единственный регион Европейской России, граничащий сразу с тремя странами (Эстония, Латвия и Республика Беларусь). Кроме того, область граничит ещё с четырьмя субъектами Российской Федерации (Ленинградская, Новгородская, Тверская и Смоленская области). Изменения административных границ и связанных с ними процессов региональной идентичности происходило в течение длительного времени, что создало уникальные черты идентичности населения в разных уголках данного региона [18].

Псковская область была создана в 1944 г., но в современных границах существует только с 1958 г., после упразднения Великолукской области [4]. Наиболее долговременными в последний трёхвековой период истории были губернские границы, просуществовавшие свыше одного века [17]. Именно в этот период сформировалось региональное название жителей Псковской губернии — «скобари», изучение географии распространения которого дало интересные результаты и стало одной из методик изучения региональной идентичности населения. Использование в быту самоназвания «скобарь» выявлялось с помощью социологического опроса населения (методом формализованного личного интервью по месту жительства респондентов) во всех районах Псковской области и прилегающих к ним районов соседних областей, ранее входивших в состав Псковской губернии [12, 14, 16, 18].

Изучение региональной идентичности населения внутренних территорий России. Также в настоящее время проведены исследования по изучению территориальной идентичности исторического ядра России [9] — территории, в пределах которой существование региональной идентичности ранее часто отрицалось. Некоторые авторы считают, что вблизи Москвы культура развивается только как общероссийская, а региональные особенности выделяются только на окраинах страны. Устойчивое представление о существовании этого «ядра» (синонимы: «коренная» Россия, «внутренние губернии») как особого культурно-исторического региона России сложилось к первой половине XIX в. как на уровне общественного сознания, так и в обиходе государственных инстанций [1].

М. П. Крылов, изучая специфику культурно-исторического пространства Центральной России, пришел к выводу, что его особенностью является континуальность и относительно низкая плотность сети исторических городов [9]. Континуальность российского культурно-исторического пространства является одним из факторов, обуславливающих элемент плюрализма в отношениях между регионами разных

территориальных уровней, а также в отношении «центральности» между городами разного ранга [7]. Для подтверждения своей теории М. П. Крылов провел серию социологических опросов населения, а также анкетирование фокус-групп и экспертов.

Ряд географов считает, что для выявления регионов России, соответствующих историко-культурным районам, можно опираться на использование критерия возраста территории от начала упоминания о ней в качестве формальной или неформальной единицы [8]. Возраст территорий определяет развитие местного самосознания. В то же время для формирования территориальной идентичности любого уровня принципиальное значение имеет историческая зрелость или же устойчивость политико-административных границ, определяемая давностью и длительностью существования (возрастом) этих границ [17].

Исторически зрелые административные границы определяют политическую, социальную и культурную целостность региона. Зачастую политико-административные границы прошлых эпох служат современными или реликтовыми культурными рубежами. Также можно говорить и о региональной идентичности как в современных границах, так и в рамках историко-культурных районов, которые постепенно стираются в массовом сознании. Для оценки исторической зрелости границы устанавливается время первого появления данной границы или её приблизительных аналогов на территории, а также продолжительность её существования [16].

Ряд авторов отмечает тот факт, что в регионах, находящихся на периферии страны, у людей при проведении исследований по региональной идентификации отмечается резкое отстранение от столицы государства. Одним из исследователей в данной области является Г. С. Корепанов [6], предложивший в качестве методики изучения региональной идентичности в периферийных субъектах Российской Федерации вести учёт региональных интересов элит. Респондентам задавали вопросы о том, в какой близости или отдалённости с различными группами людей они себя ощущают. Понятие региональной идентичности выступает у автора в качестве базового в новом научном направлении — социологии регионального развития. Развитая региональная (локальная) идентичность связана с особым чувством территории (места) членов данного общества, которая повседневно нуждается в их поддержке.

Наконец, интересным является направление исследований региональной идентичности по выявлению особенностей идентификации сельского и городского населения. Исследования данного типа лучше всего проводить в тех регионах нашей страны, где наибольшее количество жителей по сравнению с другими субъектами РФ сосредоточено в сельской местности. В качестве одного из таких исследовательских полигонов послужила территория Ростовской области. Г. С. Денисова [3] методом стандартизированного интервью выявила, что у городского населения преобладает чувство государственно-гражданской идентичности. При этом анализ идентичностей у сельских жителей выявил противоположную картину: здесь преобладают гражданственные, семейные и гендерные комплексы идентификаций. В структуре сельской идентичности наиболее ярко выражены локальность и этничность.

В качестве часто используемого географами метода изучения региональной идентичности используется анализ границ ментальных регионов, пространств «своего края» в сознании жителей. При проведении опроса населения в анкету включается условная географическая карта, на которой респондентов просят показать территорию их «малой родины» [11].

Исследование вернакулярных районов. Всё чаще в исследованиях, связанных с проблемой региональной идентичности, используется понятие «вернакулярный район». Вернакулярные районы — одна из форм пространственной самоорганизации общества, которая выявляется через изучение его пространственных представлений. Обычно под вернакулярным районом понимается та часть территории, население которой осознает её как собственное место жительства, и в этом качестве она может быть представлена как часть общественного сознания данной социальной группы [19].

Одна из методик по выявлению и исследованию вернакулярных районов разработана в работе С. Г. Павлюка [22]. Наиболее универсальным и простым способом выявления пределов и степени выраженности вернакулярных районов признана методика, основанная на анализе эргонимов (названий фирм, учреждений, предприятий) исследуемой территории.

Рассматривая различные методики изучения региональной идентичности, нельзя не отметить тот факт, что в качестве объекта исследования может выступать не только крупный регион, но и относительно небольшое по площади городское пространство. В своей работе по изучению вернакулярных районов Харькова В. В. Мирошниченко [19] выявил и провёл сравнительный анализ урбогеосистем города, и таким образом, исследовал представление человека о месте своего обитания и влияние этих представлений на функционирование человеческих общностей.

Вернакулярный район выделяется самими жителями этой территории. Это не просто часть территории урбосистемы, но и ментальное представление общества о территории, на основе которого оно и строит свое поведение в пространстве. В сознании жителей вернакулярный район имеет общепризнанный образ, состоящий из набора когнитивных (познавательных, умственных), аффективных (эмоциональных, нервных) и ценностных компонентов [22].

Для выявления вернакулярных районов на уровне города (на примере Харькова) В. В. Мирошниченко [19] использовал карту Харькова в Викимапии (интерактивной ВЕБ-ГИС коллективного пользования с возможностью редактирования). С помощью данной графической программы автор нанёс границы вернакулярных районов на карту города и выполнил сравнительный анализ пространственных характеристик данных районов.

Человек формирует свою поведенческую среду, познавая сначала отдельные места пространства, с которыми связано его повседневное поведение. Потом он связывает эти места сетью связей, по которым формирует представление о территории, которая эти места и их сеть окружает. Высокая насыщенность пространства смыслами, символами и событиями становится основой существования вернакулярного района. Кроме разнообразия информации, вернакулярный район должен обладать гомогенностью по определенному районообразующему признаку [22].

Вернакулярные районы состоят из исторических местностей, объединенных общей территориальной идентификацией жителей района и местами разрывов между ячейками. Пространство, свободное от вернакулярных районов, составляет маргинальные зоны — территорию, граничащую с двумя или более разными социокультурными реальностями, которые оказывают на нее влияние [19].

В заключение солидаризируемся с мнением В. Н. Стрелецкого [23], который считает, что исследование региональной идентичности является одним из очевидных полюсов роста в современной культурной географии. Вместе с особенностями при-

родопользования и традиционными способами ведения хозяйства, поселенческой структурой, местной языковой системой и конфессиональной структурой сообщества, особенностями материальной и духовной культуры, региональная идентичность входит в число ключевых индикаторов культурного регионализма.

Литература

1. Горизонтов Л. Е. «Большое русское ядро» в имперской и региональной стратегии // *Пространство власти: стратегический опыт России и вызовы современности*. М.: МОНФ, 2001. С. 129.
2. Григорьева Н. В. Иерархия территориальных идентичностей в различных возрастных группах населения Псковской области (по итогам социологического исследования весной 2008 г.) // *Псковский регионологический журнал*. № 7. Псков: ПГПУ, 2009. С. 41–47.
3. Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // *Наука и образование. Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области*. Ростов н / Дону, 2010. С. 82–90.
4. Евдокимов С. И. Изменение административно-территориального деления Псковской области во второй половине XX века // *Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Естественные и физико-математические науки»*. Выпуск 6. Псков: ПГПУ, 2008. С. 74–79.
5. Киричек О. Я. Изучение психологических особенностей региональной идентичности личности на обособленной территории России // *Актуальные проблемы психологического знания*. М.: Изд-во Московского социально-психологического института, 2012. С. 3–9.
6. Корепанов Г. С. Региональная идентичность: социокультурные и социальноэкономические подходы // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Тюмень*, 2009. С. 276–284.
7. Крылов М. П. Вопросы районирования исторического ядра Европейской России по критериям региональной идентичности // *Проблемы этнической географии и культурного районирования: сборник научных статей / Под ред. А. Г. Манакова*. Псков: Изд-во АНО «Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. С. 168–175.
8. Крылов М. П. Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России // *География и региональная политика. Часть 1*. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. С. 32–37.
9. Крылов М. П. Региональная идентичность Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 237 с.
10. Крылов М. П., Гриценко А. А. Категория идентичность в контексте проблемы приграничий // *Вестник Российской академии наук*. М., 2009. С. 131–136.
11. Крылов М. П., Гриценко А. А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 2. 2012. С. 28–42.
12. Кувенева Т. Н., Манаков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // *Социологические исследования («СОЦИС»)*. 2003. № 7. С. 77–84.
13. Левинтов А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // *Методология: вчера, сегодня, завтра*. Т. 3. М.: Школа культурной политики, 2005. С. 289–305.
14. Манаков А. Г. Культурные границы и идентичность (на примере Северо-Запада Европейской России) // *Идентичность и география в постсоветском пространстве: сборник научных статей / Под ред. М. Бассина, К Э. Аксенова*. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 114–136.
15. Манаков А. Г., Григорьева Н. В. Степень удовлетворённости жизнью и социокультурные ориентиры населения приграничных районов Псковской области // *Псковский*

- регионологический журнал. № 4. Псков: ПГПУ, 2007. С. 77–87.
16. Манаков А. Г., Евдокимов С. И. Скобари: историческая зрелость границ и региональная идентичность в Псковской области // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 28–38.
  17. Манаков А. Г., Евдокимов С. И. Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ // Псковский регионологический журнал. № 10. Псков: ПГПУ, 2010. С. 29–48.
  18. Манаков А. Г., Евдокимов С. И., Григорьева Н. В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков: АНО «Логос», 2010. 216 с.
  19. Мирошниченко В. В. Вернакулярные районы города Харькова // Псковский регионологический журнал. № 16. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2013. С. 61–69.
  20. Морозова В. С. Феномен региональной культуры в приграничном пространстве РФ–КНР // Вестник Забайкальского государственного университета, 2011. С. 36–41.
  21. Орачева О. И. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное сознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 36–43.
  22. Павлюк С. Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России) : Автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. геогр. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. 26 с.
  23. Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. № 14. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2012. С. 9–21.
  24. Стрелецкий В. Н. Этнокультурные предпосылки регионализации в России // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 2011. С. 11–38.

A. Gerasimov

APPROACHES TO THE RESEARCH OF THE REGIONAL IDENTITY IN RUSSIAN SCIENCE

The article presents basic research methods of the population identity in different territories of Russia and in foreign countries study. Differences in understanding of regional identity and approach to its research in Russian geography are revealed.

Key words: *structure of territorial identity, regional identity, border and inner territories, vernacular areas.*